

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

С.Д. БОДРУНОВ

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО:
ОБЛИК НОВОЙ
ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Санкт-Петербург
2015 г.

С.Д. Бодрунов. Новое индустриальное общество: облик новой индустриальной эпохи /
Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте /
СПб.: ИНИР, 2015. – 34 с.

ISBN 978-5-00020-028-5

ISBN 978-5-00020-028-5

© С.Д. Бодрунов, 2015

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
2015

1. К постановке проблемы. Новая индустриализация как вызов парадигме «постиндустриализма»

Выход полвека назад книги Дж. К. Гелбрейта «Новое индустриальное общество»¹ стал большим событием в интеллектуальной жизни не только мирового экономического сообщества, но и значительной части господствовавшего тогда экономико-политического класса. Она стала символом переосмысления современной Гелбрейту производственно-экономической системы, прежде всего – системы, сложившейся в США – на тот момент одной из двух господствовавших в мире держав.

Последующие десятилетия, казалось бы, отодвинули на второй план представления выдающегося ученого XX века, однако последние годы заставляют усомниться в правильности сделанных в 1990-е выводов, когда, стоит напомнить, мир оказался в плену идей постиндустриализма. Начавшись с работ Д. Белла о «постиндустриальном обществе»² и Э. Тоффлера о «третьей волне»³, парадигма отрицания ведущей роли материального производства стала завоевывать все новых и новых сторонников и обретать все новые и новые обличья. В дополнение к тезису об «обществе услуг» пришли теории «информационного общества» и «информационной экономики», их продолжили концепции «общества (экономики) знаний», потом цифровой, дигитальной и т.п. экономики... Огромную популярность вслед за Беллом приобрели работы Сакайи, Кастельса и мн. др.⁴ В России на некоторое время стали весьма популярны книги известного экономиста В. Иноземцева – своего рода энциклопедии западного постиндустриализма⁵.

Однако мировые экономические и финансовые кризисы (сначала – конца 1990^х, затем – 2007-2009 гг.) охладил казавшийся непреодолимым энтузиазм авторов и поклонников этих теорий. Движение «по ту сторону материального производства» обернулось на практике не ростом эффективности, производительности и благосостояния, а, скорее, экспансией посредничества и, прежде всего, – финансового, ставшего немаловажным фактором упомянутого мирового кризиса 2007-2009 гг.

При этом и материальное производство, как быстро выяснилось, никуда не исчезло. Более того, за десятилетия кажущегося нарастания процесса «постиндустриализации» на мировом Юге и Востоке развернулась мощная волна индустриализации, приведшая к резкому увеличению доли промышленного производства в этом регионе и, как следствие, возрастанию роли и доли в мировом «совокупном работнике» рабочих и инженеров, занятых в сугубо индустриальной сфере.

---

¹ Galbraith J.K. The New Industrial State. Houghton Mifflin Co., Boston, 1967. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

² Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.

³ Toffler A. The Third Wave. L.: Pan Books Ltd in association with William Collins Sons & Co. Ltd, 1980.

⁴ См., напр.: Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999; Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-Пресс, 2006; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

⁵ См.: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000; Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М.: Экономика, 2003.

Распределение занятых по секторам экономики,
 весь мир и регионы (%).

	1998	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Промышленный сектор							
Весь мир	21,1	20,7	21,1	21,5	22,1	22,7	23,2
Развитые страны и государства ЕС	27,9	25,6	25,3	25,0	25,0	25,0	25,1
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	27,7	25,6	25,3	25,5	25,5	25,4	25,3
Южная Азия	15,4	18,7	19,4	20,1	21,0	21,8	22,6
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,8	21,6	21,8	22,2	22,4	22,6	22,9
Северная Африка	20,0	19,2	19,7	20,8	21,7	22,7	23,6
Африка южнее Сахары	9,5	9,5	9,7	9,7	9,9	10,1	10,3
Сектор услуг							
Весь мир	38,1	40,7	41,5	41,9	42,4	42,9	43,3
Развитые страны и государства ЕС	66,3	69,8	70,4	70,8	70,9	71,1	71,2
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	45,5	51,7	52,6	53,2	54,2	55,1	56,0
Южная Азия	25,1	27,9	28,5	29,0	29,5	30,0	30,4
Латинская Америка и Карибский бассейн	56,8	59,0	58,9	58,9	59,6	60,3	60,9
Северная Африка	44,1	46,1	45,1	44,8	44,5	44,2	43,9
Африка южнее Сахары	22,9	25,1	25,9	26,3	26,7	27,4	28,0

Аграрный сектор							
Весь мир	40,8	38,7	37,5	36,5	35,5	34,4	33,5
Развитые страны и государства ЕС	5,8	4,6	4,3	4,2	4,0	3,9	3,7
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	26,8	22,7	22,1	21,2	20,4	19,5	18,7
Южная Азия	59,5	53,4	52,1	50,8	49,5	48,2	46,9
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,4	19,4	19,3	18,9	18,0	17,1	16,2
Северная Африка	35,9	34,7	35,3	34,5	33,8	33,1	32,4
Африка южнее Сахары	67,6	65,4	64,4	64,0	63,4	62,5	61,7

Источник: Глобальные тенденции занятости. Январь 2009 г. / Международная организация труда. Geneva: ILO, 2009. С. 36.

К моменту выхода из мирового кризиса 2007-2009 гг. перед экономиками Севера открылась картина не просто догоняющего развития промышленного Юга, но и по ряду параметров догнавшего их мира бывших колониально-периферийных стран.

Так перед мировой экономической практикой и призванной ее адекватно отражать теорией встал во весь рост вызов новой индустриализации.

2. Гелбрейт возвращается?

Напомним ныне изрядно позабытые положения упомянутой книги Дж. К. Гелбрейта, положив в основу выделения ее важнейших положений те параметры, которые позволяют, на наш взгляд, наиболее адекватно отразить взаимосвязь материально-технических и собственно экономических сторон, определяющих специфику того или иного типа экономики⁶.

Начнем анализ с характеристики тех изменений, которые, с точки зрения Гелбрейта, происходят в материально-технической базе экономики. Он начинает с фиксации того, что в материальном производстве происходит «применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства. Машины заменили примитивный ручной труд, и, по мере того как они все шире используются для управления другими машинами, они начинают выполнять более простые функции человеческого мозга»⁷. Эти процессы вызывают рост концентрации, укрупнение производства, что, в свою очередь, требует все

⁶ Выделение этих параметров базируется на основных положениях работ С.Ю. Глазьева, А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. См.: Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. (ред.). Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. Монография. М.: Тривант, 2009; Колганов А.И., Бузгалин А.В. Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем. Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. М.: ИНФРА-М, 2005.

⁷ Дж.К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Серия «Антология экономической мысли». Изд-во «Эксмо», 2008, с. 28.

более крупных вложений капитала, а также привлечения все более высококвалифицированных специалистов. Результат (напомним, речь идет об экономике середины XX в.) – развитие крупных корпораций как основного типа хозяйственных организаций, господствующих в экономике и способных привлечь необходимый для такого производства капитал; прежде всего они – с точки зрения Гелбрейта – были в середине XX века в состоянии мобилизовать рабочую силу требуемой квалификации и обеспечить научно-технический прогресс.

Другой стороной этой медали стал феномен, который Дж. Гелбрейт обозначил как *упадок профсоюзов*. «Число членов профсоюзов в США достигло максимума в 1956 г. С тех пор занятость продолжала расти, а число членов профсоюзов в целом уменьшалось»⁸.

Однако еще более значимым явлением стали *структурные изменения в профессиональном составе рабочей силы*. Существенно возросло число лиц, желающих получить высшее образование, и наряду с этим, в несколько более умеренной степени, увеличились реальные возможности для его получения.

На основе описанных выше технологических изменений, изменений в масштабе и структуре производства и занятости происходит не только возрастание роли корпораций как основной формы организации производства на уровне основного производственного звена и расширяются сферы их деятельности. «Семьдесят лет назад, – пишет Гелбрейт, – деятельность корпораций ограничивалась такими отраслями, в которых производство должно вестись в крупном масштабе (железнодорожный и водный транспорт, производство стали, добыча и переработка нефти, некоторые отрасли горнодобывающей промышленности). Теперь корпорации охватывают также бакалейную торговлю, мукомольное дело, издание газет и увеселительные предприятия – словом, все виды деятельности, которые некогда были уделом индивидуального собственника или небольшой фирмы»⁹.

В это же время становится совершенно очевидным начавшееся задолго до этого *разделение предпринимателя-собственника, организатора производства и получателя дохода*. Гелбрейт, продолжая размышления ряда авторов начала XX века (Т. Веблен и др.) и в чем-то пересекаясь с идеями К. Маркса о разделении капитала в акционерных обществах на капитал-собственность и капитал-функцию, отмечает, что в начале XX века «корпорация была инструментом ее владельцев и отражением их индивидуальности. Имена этих магнатов – Карнеги, Рокфеллер, Гарриман, Меллон, Гугенгейм, Форд – были известны всей стране. Они и сейчас известны, но главным образом благодаря художественным галереям и благотворительным фондам, основанным ими или их потомками, которые подвизаются ныне в сфере политики. Те, кто возглавляет теперь крупные корпорации, безвестны. В течение жизни нынешнего поколения люди, живущие за пределами Детройта и не связанные с автомобильной промышленностью, не знали, кто в данный момент возглавляет корпорацию “Дженерал моторс”»¹⁰.

Эта тенденция, ныне общеизвестная и несколько абсолютизируемая – как показала жизнь – Дж. Гелбрейтом, с одной стороны, стимулирует повышение эффективности деятельности за счёт распределения функциональных обязанностей между специалистами и широкого привлечения профессионалов к деятельности по управлению. Однако, с другой стороны, рост власти технократии скрывает и иной процесс – все большей концентрации капитала в одних руках, ибо топ-менеджеры, несмотря на их гигантские доходы, остаются в основном и главным функцией от деятельности реальных хозяев корпорации. В этом смысле вывод Дж. Гелбрейта о том, что в корпорациях и в экономике на первую позицию приходит технократия, является, на наш взгляд, все же односторонним.

---

⁸ Там же, с. 30.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Рост корпоративного капитала неизбежно привел и к изменению экономической роли государства. В новых условиях (для Гелбрейта это была середина XX века) «государство берет на себя задачу регулирования совокупного дохода, расходуемого на приобретение товаров и услуг, в масштабе всей экономики. Оно стремится обеспечить достаточно высокий уровень покупательной способности, позволяющий реализовать всю продукцию, которую может произвести существующая в данный момент рабочая сила»¹¹.

Вследствие этих изменений, продолжает свою логику автор «Нового индустриального общества», во-первых, существенно *возросла роль планирования*. «Привлечение крупного капитала и соответствующая организация производства требуют – задолго до того, как можно будет воспользоваться его результатами, – предвидения и, более того, принятия всех возможных мер, которые гарантировали бы, чтобы это предвидение действительно сбылось»¹², – таков весьма важный вывод Дж. Гелбрейта.

Во-вторых, *потребительский спрос стал объектом управления*. Гелбрейт справедливо подчеркивает, что характер техники и связанные с ней потребности в капитале, а также время, которое занимает разработка и производство продукции, еще более настоятельно диктуют необходимость государственного регулирования спроса.

Корпорация, рассматривающая вопрос о производстве автомобиля новой модели, должна иметь возможность убедить людей купить его. Столь же важно, чтобы население располагало необходимыми для этого средствами. Это приобретает решающее значение, когда производство требует весьма крупных и долгосрочных капиталовложений, а продукция может с равной степенью вероятности попасть на рынок и во время депрессии, и во время подъема. Таким образом, возникает необходимость стабилизации совокупного спроса. И эту роль – *формирования спроса*, а не только его учета – выполняют и государство, и – что еще более важно – корпорации. Именно последний вывод особо подчеркивает Гелбрейт: «Решения о том, что подлежит сбережению, принимаются главным образом несколькимистами крупных корпораций. Решения о том, куда будут направлены капиталовложения, принимаются примерно таким же числом крупных фирм, а также теми из (значительно большего числа) частных лиц, кто покупает жилища, автомобили и электробытовые приборы. Не существует рыночного механизма, который согласовывал бы решения о сбережениях с решениями о капиталовложениях»¹³.

Последний вывод позднее, в эпоху возвращения неолиберальной модели рыночной экономики, многие экономисты¹⁴, да и сам Дж. Гелбрейт признали некоторым преувеличением, но, на наш взгляд, в ряде стран в настоящее время он вновь становится актуальным.

В итоге Гелбрейт делает вывод: имеется глубокое концептуальное различие между малым предприятием, находящимся полностью под контролем отдельного лица и обязанным всеми своими успехами этому обстоятельству, и корпорацией. Это отличие можно рассматривать как рубеж, отделяющий миллионы мелких фирм от тысячи гигантов, он лежит в основе широкого *разделения экономики на «рыночную систему» и «планирующую систему»*.

Как легко убедится читатель, многие из этих не случайно нами систематизированных и пространно цитируемых положений вновь становятся актуальными, хотя ряд из них – будем откровенны – изрядно устарел.

Дабы отделить «зерна от плевел» и пойти дальше, рассмотрим основные положения и аргументы постиндустриальных критиков материального производства; положим в основу обобщения и систематизации их взглядов те же основные параметры, что и в случае анализа работы Дж.К. Гелбрейта.

---

¹¹ Там же, с. 29.

¹² Там же, с. 31.

¹³ Там же, с. 60.

¹⁴ Бодрунов С.Д. Корпоративный менеджмент постиндустриального общества / Монография // С.Д. Бодрунов, С.П. Крюков, Л.Н. Александровская, А.П. Захаревич, В.И. Круглов – СПб., Корпорация «Аэрокосмическое оборудование», 2005. – 612 с.

3. Утопия постиндустриализма: «общество услуг» и «информационная экономика»

При всем разнообразии работ авторов, относимых нами к «постиндустриальной волне», в их работах с разной степенью детализации и аргументации прослеживается ряд основополагающих характеристик описываемого ими нового качества общества и экономики.

Едва ли не исходным в большинстве работ оказался сдвиг в *технологиях и структуре экономики*.

Что касается первого, то распространение компьютерных технологий и, позднее, интернета, действительно, стало отличительной чертой нового качества экономической и общественной жизни последних десятилетий.

Что касается второго, то начиная с работ Д. Белла¹⁵, рост сферы услуг и сокращение доли материального производства стал рассматриваться как одна из фундаментальных, определяющих черт нового тренда. Этот вывод был сделан не на пустом месте – на самом деле на протяжении XX века в соотношении названных сфер практически во всех развитых странах произошли существенные изменения (см. табл. 1). К 1970-80-м гг. роль материального производства (по таким индикаторам, как доля сектора в ВВП и численность занятых) резко снизилась. Не только относительно, но и абсолютно доминирующим стал сектор услуг, в котором и поныне создается более 70% ВВП развитых стран и занято более 75% работников¹⁶.

Однако «в стороне» большинство этих исследователей оставили такие принципиальные проблемы, как *структура самого сектора услуг и содержание труда занятых в нем работников*. Запомним этот момент и продолжим нашу характеристику.

Вторым важнейшим параметром, отличающим постиндустриальную систему, является принципиально новый *тип ресурсов*, которые приходят на смену промышленно производимому материальному продукту. Основным и ресурсом, и продуктом постиндустриальной экономики становится информация, на чем делают главное ударение в своих работах Кастельс, Сакайя¹⁷ и многие другие авторы. Этот сдвиг, действительно имеющий огромное значение и существенно отличающий экономику конца XX – начала XXI века от хозяйства полувековой давности, лежит в основе многих других выводов, касающихся постиндустриальной экономики. И действительно, информация обладает целым рядом свойств, существенно отличающих ее от материального продукта¹⁸. Она не исчезает при ее потреблении, затраты на ее производство несоизмеримо высоки по сравнению с затратами на ее тиражирование¹⁹, ее создание предполагает наличие высокообразованного работника; даже ее потребление во многих случаях требует значительных способностей²⁰.

---

¹⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Белл Д. Постиндустриальное общество // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М., 1984.

¹⁶ World employment and social outlook 2015: The changing nature of jobs / International Labour Office. Geneva: ILO, 2015. P. 25.

¹⁷ См., напр.: Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Академия, 1999; Кастельс М. Сетевое общество. М., 2001; Sakaya T. The Knowledge–Value Revolution or a History of the Future. Tokyo–N.Y., 1991; Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society, Washington, 1981.

¹⁸ Бодрунов С.Д. Инфомаркетинг / Монография // С.Д. Бодрунов – Гомель: БелАНТДИ, 1995. – 176 с; Бодрунов С.Д. Маркетинг информационных услуг: модели управления / Монография // И.В. Максимей – М.: Экономика: Луч, 1993. – 127 с.

¹⁹ С.Д. Бодрунов Организация маркетинговой деятельности информационных предприятий / Диссертация на соискание к.э.н. – М., Росс. экон. Акад. им. Г.В. Плеханова, 1990. – 232 с.

²⁰ Mulgan G.J. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. Oxford: Polity, 1991. P. 174; Crawford R. In the Era of Human Capital. N.Y., 1991. P. 11.

Соответственно, *господствующим типом работника* в постиндустриальной информационной экономике, с точки зрения ее теоретиков, должен был стать профессионал, имеющий, как правило, высшее образование и являющийся не только собственником определенной рабочей силы, но и «человеческого капитала» – особого не только производственного, но и инвестиционного ресурса. Отсюда – вывод многих авторов постиндустриальной волны о движении к «обществу профессионалов»²¹ и т.п.

В мире производства информации высококвалифицированным профессионалом – собственником человеческого капитала – предполагалось кардинальное изменение и *первичного звена экономики*: на смену крупным производственным комбинатам должны были прийти индивидуальные «электронные коттеджи», связанные между собой паутиной всемирной сети. Следствием этого, равно как и новых – компьютерных и интернет-технологий – должен был стать преимущественно *сетевой принцип структурирования экономики и общества*.

В то же время, что касается экономических отношений, то здесь, как ни странно, никаких кардинальных изменений не предполагалось. Более того, новая структура экономики, новые (компьютерные и интернет-) технологии, индивидуализация производства и возрастание роли отдельного работника – все это должно было стать (и отчасти стало) основой сокращения роли государства как регулятора экономики и социального протектора и своеобразного ренессанса *рыночных отношений и частной собственности*.

В связи с этим также предполагалось, что реальностью станет и ренессанс мелкого индивидуального частного предпринимательства, и распространение частной собственности на ранее в меньшей степени затрагивавшиеся ею сферы, в частности – *интеллектуальную продукцию*.

Финальным результатом всех изменений должна была стать *новая социальная структура*, в которой господствующим фактором формирования страт должны были бы быть *знания*²².

В какой же мере оказалась реальной эта теоретическая конструкция?

Ответ на этот вопрос в последние годы стал одним из остродискуссионных.

Неолиберальная модель рыночной экономики, ставшая господствующей в конце XX – начале XXI вв., во многом опиралась на названные выше представления о новой технологической основе экономики. С их точки зрения для такой – постиндустриальной, информационно-сетевой – технологической основы единственно адекватным является строй, в котором основной сферой бизнеса должна и может быть сфера услуг, главным пространством накопления капитала – финансовые транзакции, господствующим механизмом обеспечения сбалансированности и роста – свободный рынок, распространяющийся на все сферы жизни общества. Доминирование этой позиции, неслучайно называемой многими учеными «рыночным фундаментализмом»²³, оказалось прямо сопряжено с разворачиванием ряда весьма специфических процессов:

---

²¹ Сергеева И., Быков В. Материальные и нематериальные факторы мотивации труда // Человек и труд. 2010. № 9. С. 43; Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 145.

²² Распространение в конце XX века информационных технологий, процессов миниатюризации, гибких производственных систем и т.п. стимулировали развитие внекорпоративных способов организации труда. Большинство западных и отечественных ученых, занимающихся этим феноменом, отмечают развитие форм свободного от капитала интеллектуального труда. Один из примеров критического анализа этих процессов отмечается в работе Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Down of the Post-Market Era. N.Y.: G.P.Putnam's Sons, 1995.

²³ Гринберг Р.С. Большой кризис: пора уходить от радикального либерализма // Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бугалина. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 59-72.

– во-первых, с процессом *финансиализации*, который стал не просто ростом сферы жизнедеятельности различного рода финансовых институтов, но и существенным новым фактором формирования специфической модели регулирования экономики, отношений собственности, типом роста и т.п.²⁴ Следствием финансиализации стали, в частности, существенные изменения в выборе приоритетов инвестиций (они стали все более направляться из производственной сферы в сферу финансовых транзакций), перемещения контроля за собственностью и основных прав собственности к финансовым институтам, ускоренное развитие финансовой сферы как одного из основных (а в ряде случаев – основного) источника роста ВВП и т.п. процессы. В конечном итоге все это привело к раздуванию т.н. «финансовых пузырей» и – через ряд опосредований – к мировому не только финансовому, но и экономическому кризису;

– во-вторых, следствием «постиндустриальной волны» стал а) массовый дрейф производственных мощностей индустриального сектора в страны Юга/Востока и *ускоренная индустриализация полупериферийных*, а затем – и *периферийных стран*, захватившая едва ли не половину населения планеты; б) соответственно, и *рост гео-политико-экономического влияния* и могущества таких стран, как Китай и Индия, в целом сообщества БРИКС, который оказался крайне важным фактором, определяющим новые вызовы, которые встали перед странами «центра»;

– в-третьих, в экономиках многих стран Севера, прежде всего, США, развернулся процесс *деиндустриализации*²⁵, который привел к формированию совершенно нового фактора мирового гео-политико-экономического развития – возникающей *производственной зависимости стран Центра от стран периферии*. Прибавив к этому только формирующийся как реальность выход Китая на современные рубежи производства высокотехнологичной продукции и, как следствие, угрозу (для США и ЕС) выхода второй экономики мира из-под технологической зависимости от экономик Центра, мы получаем еще один вызов, заставляющий и теоретиков, и практиков развитых экономик серьезно задуматься о проблемах *восстановления материального производства*, развития *новой индустриальной экономики*.

Эта проблема крайне актуальна, конечно же, не только для США и ЕС. Для многих стран постсоветского пространства и, в частности, Российской Федерации, где процессы деиндустриализации зашли чрезвычайно далеко²⁶, задачи воссоздания современного материального производства так же становится краеугольными.

Т.о., перед нами в полный рост встает вопрос о грядущем (или уже возникающем?) *новом облике нового индустриального общества*, о, позволительно сказать, **НИО-2**.

4. «Новое индустриальное общество - 2»: параметры генезиса

Было бы не просто наивно, но попросту ошибочно думать, что новое индустриальное общество XXI века будет воссозданием позднеиндустриальной системы середины XX века, описанной Дж.К. Гелбрейтом. Новая волна реиндустриализации если где-то и окажется простым воссозданием старой (для стран постсоветского пространства – «СССРовской»)

---

²⁴ Lapavitsas C., Levina I. Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance. November 2010.

²⁵ Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения / Научные труды Вольного экономического общества России, № 1/2014 (Том сто восьмидесятый), Москва, 2014. – с. 15-46.

²⁶ Там же. См. также: Бодрунов С.Д. Реиндустриализация в РФ должна опираться на комплексную и активную промышленную политику (дискуссионные ремарки в связи с докладом доктора Рудольфа Трауба-Мерца «Нефть или автомобили. О возрождении промышленности в России» / Научные доклады Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (под общ. ред. С.Д. Бодрунова) // СПб.: 2015. – 46 с.

индустрии, то только там, где недалновидные эконом-политики не смогут найти выход из тупиков постиндустриализма и обрекут свою страну на новую (точнее – совсем старую) модель догоняющего развития, которая в конечном счете обернется тем, что «догоняющий» окончательно и безнадежно отстанет от передовых экономик.

Новое индустриальное общество и экономика XXI века могут и должны стать «отрицанием отрицания», диалектическим «снятием» и позднеиндустриальной системы, описанной Дж. Гелбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, описанных Беллом & Со – «снятием», содержащим (в соответствии с заветами Гегеля, чью диалектическую логику не случайно так настойчиво преподавали в СССР) отрицание ошибочных, регрессивных или просто отживших свое черт как позднего индустриализма, так и постиндустриализма.

Что может представлять собой такое «отрицание отрицания»?

Автор, будучи менее всего склонным к футурологии, предлагает, не увлекаясь построением красивых утопий, проанализировать *реальные тренды* возрождения современного материального производства.

Используя предложенную выше методологию, обратимся, прежде всего, к изменениям в *технологиях*. В отличие от футурологов постиндустриальной волны, обратим наше внимание на те изменения, которые, во-первых, уже стали (или становятся) *реальностью* и, во-вторых, происходят в *сфере материального производства*. Эти изменения хорошо известны, и нам остается лишь их зафиксировать и осмыслить их экономические последствия.

На первое место в этих изменениях мы можем и должны поставить справедливо подмеченное теоретиками-«постиндустриалистами» возрастающее значение в современном мире информационных технологий. Заметим, автор, всегда стоявший на других позициях, также это неоднократно отмечал²⁷. Однако, в отличие от них, мы считаем неправомерным делать отсюда вывод об отмирании определяющей роли собственно материального производства. Из названного выше факта необходимо сделать иной вывод – о *непрерывном росте «знаниеемкости» материального производства*.

Необходимо не просто фиксировать факт возросшего значения информации и говорить не столько о производстве информации, сколько о *новом типе материального производства*.

Различия существенны. К примеру, одно из них заключается в том, что создание информации, как показывает практика современной глобальной экономики, во многих случаях оборачивается ни чем иным, как производством «информационного шума», не только не содействующего росту производительности труда, прогрессу человеческих качеств, решению социальных и экологических задач, но и, напротив, содействующих использованию ресурсов экономики на создание знаков²⁸, симулякров²⁹ полезных благ. Такая «информационная экономика» становится просто иным именем уже названных выше процессов финансиализации, ускоренного роста посредничества, вытесняющего реальную культуру шоу-бизнеса и т.п. Более того, подобная «информатизация» ведет в конечном итоге к виртуализации общественного бытия, разрушая личность человека, его духовный мир, социальные связи, единство народов и государств.

Знаниеинтенсивность технологий материального производства есть существенно иной процесс, критически синтезирующий достижения индустриальной и информационной экономик. Этот критический синтез осуществляет даже не теория, а сама практика современного высокотехнологичного производства. Он выражается, в частности, в том, что в

---

²⁷ См. примеч., п.п. 18, 19 наст. издания.

²⁸ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007.

²⁹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Философия хозяйства, № 2,3, 2012.

таким производством определяющую роль начинают играть операции и процессы, в которых человек выступает не как придаток машины (станка, конвейера), а как *носитель знания*, трансформируемого в процессе такого производства в технологии, «человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик»³⁰, что позволяет в этом случае говорить о «*знаниеемкости материального производства* и его *продукта*».

На этой основе формируется принципиально *новый тип материального производства, а именно – знаниеинтенсивное производство*. Его основными чертами постепенно становятся:

- непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей; миниатюризация, тенденция к снижению энергоемкости, материалоемкости, фондоемкости продукции;
- особенности *производственного процесса* и тенденции развития *технологий* – гибкость, модульность, унификация и т.д.;
- *сетевая модель структуризации* производственной кооперации, идущая на смену вертикально-интегрированным структурам;
- использование *современных методов организации производства и управления* – «just-in-time», «lean-production» и др.³¹;
- экологическая чистота и ориентация на *новые источники энергии*;
- развитие *качественно новых технологий в самом материальном производстве*, транспорте, логистике (нанотехнологии, когнитивные технологии и т.п.);
- *сокращение роли обрабатывающей промышленности* (в т.ч. – за счет замены технологий обрабатывающей промышленности на аддитивные);
- упор на *качество и эффективность*.

Знаниеемкий материальный продукт – вот новое качество главного ресурса и результата новой индустриальной экономики XXI века. Его свойства содержат в себе многие отличительные черты как информационного, так и «обычного» материального продукта.

От первого знаниеемкий продукт наследует информационную составляющую и многие характерные для нее свойства и проблемы. От второго – наличие реальной полезности такого результата и ресурса производства для развития как собственно материального производства, так и человеческих качеств, не-симулятивность его общественной роли.

Возрастание роли *знаниеемких технологий* и соответствующих им *ресурсов* и *результатов производства* влекут определенные изменения в *макроструктуре экономики*. На смену и «классической» индустриальной системе с абсолютным доминированием собственно промышленного производства, и «обществу услуг», в котором отрасли сервиса вытесняют собственно материальное производство, *новая индустриальная экономика второго поколения*, эпохи НИО-2, характеризуется тенденцией формирования иной структуры своих основных сфер. В ней доминирующее положение должны занять отрасли, которые образуют *целостный комплекс*, создающие знаниеемкий продукт, а именно – отрасли, в которых производится данный продукт как таковой, а также те, где создается

---

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

³¹ Об этих моделях организации производства, развивающихся во всем мире на протяжении вот уже четверти века и обретающих новое лицо в связи с развитием суперсовременных технологий, подробнее см.: Ohno, Taiichi, Just-In-Time for Today and Tomorrow. Productivity Press, 1988; Wadell, William, and Bodek, Norman. The Rebirth of American Industry. PCS Press, 2005; Malakooti, Behnam. Operations and Production Systems with Multiple Objectives. New York, 2013; John Wiley & Sons; Tillema S., Steen M. Co-existing concepts of management control: The containment of tensions due to the implementation of lean production // Management Accounting Research, Vol. 27, June 2015.

самое знание и человек, способный этим знанием овладеть и применить его в материальном производстве³². Не требуется особых доказательств для того, чтобы сделать вывод: основой экономики XXI века должен стать единый комплекс, объединяющий на микро- и макроуровнях такие звенья, как:

- *высокотехнологичное материальное производство, создающее знаниеинтенсивный продукт;*
- *наука, создающая knowhow;*
- *образование и культура, формирующие человека, обладающего знаниями и способного их применить в производстве.*

Так формируются три основных сферы нового общественного производства. Основой этих трех сфер является – и в этом случае автор является продолжателем традиции классической политической экономии – собственно материальное производство.

Заметим, что с точки зрения ряда известных ученых (среди которых, в частности, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов) приоритетом развития экономики должно быть не материальное производство, а то, что они называют «креатосферой»³³. В это понятие эти ученые включают образование, науку и культуру, оставляя промышленности, строительству, транспорту, сельскому хозяйству и т.д. некоторую «подсобную» роль «обслуживающей на заказ, так сказать, «хомокреаторов». Более того, в рамках этой модели, насколько мы понимаем, явно понижаются роли и рынка, и производственного частного бизнеса, в то время как функции государства, гражданского общества, планирования получают существенно расширительное толкование³⁴.

Безусловно, нельзя недооценивать роль образования и науки, и автор данной статьи об этом не раз писал. Автор с большой симпатией относится к подобного рода «человеколюбивым» теоретическим конструкциям. Более того, в ряде предшествующих наших публикаций, как мы уже отметили, специально говорилось о важности ПНО-интеграции³⁵. Но при этом нельзя забывать о мере: забегающие вперед, отрывающиеся от материальной базы и теоретически «красивые», но фактически нереализуемые и рискующие превратиться из-за этого в утопию рекомендации могут стать теми самыми благими намерениями, которыми известно куда вымощена дорога.

После краткого отступления, касающегося проблемы определения приоритетного сектора, вернемся к характеристике особенностей *генезиса нового индустриального общества*.

Материальное производство имеет в этих условиях, как мы заметили выше, *качественно новую природу*, отличающую его – и по содержанию, и по роли – от того, каким оно было в «классическую» индустриальную и т.н. «постиндустриальную» эпохи.

Суммируя выделенные выше отличия, можно утверждать, что новое индустриальное производство отлично от классического прежде всего своим *содержанием* – новым типом технологий, ресурсов и результатов, а также тем, что оно тесно интегрировано с наукой и образованием, а от «постиндустриального» – тем, что, пройдя по спирали «отрицания отрицания», восстанавливает определяющую роль собственно материального производства, вытесняющего псевдопроизводительные компоненты сферы услуг и посредничества, а также искусственно-виртуальные области производства симулятивных благ.

---

³² См. Бодрунов С.Д. Какая индустриализация нужна России? / Доклад на Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики», Санкт-Петербург, 23 марта 2015 г.

³³ См.: Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования, № 1, 2014; Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Poleмические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования, № 3, 2014.

³⁴ См.: Бузгалин А.В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от рыночного фундаментализма // Проблемы современной экономики, № 3, 2014.

³⁵ См.: Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России, № 1, 2015.

Безусловно в данном случае говорится не о сокращении сферы услуг, служащих развитию человеческих качеств и удовлетворению социальных потребностей, а об ограничении отраслей, в которых не создаются блага, способствующие личностному и социальному прогрессу. Механизмы такого ограничения, сразу подчеркнем, должны быть не директивными, а экономическими, и формироваться самим обществом, подобно тому, как формируются механизмы ограничения курения, потребления алкоголя и т.п.

Новая индустриальная экономика XXI века формирует и новый тип работника. И здесь достижения современных развитых экономических систем, в которых произошло формирование определенных черт «общества профессионалов», так же, как и в остальных аспектах, будут нуждаться в критическом наследовании, что уже становится одной из тенденций в ряде стран мира и рассматривается как один из важных императивов в России. Безусловно, высокий уровень профессионального образования должен стать тем наследием, которое новая экономика возьмет из «информационной» эпохи. Однако и здесь должны произойти – и уже начались! – существенные изменения. Образно говоря, *главными профессионалами наступающего нового индустриального производства должны стать не менеджер, маркетолог и финансист, а инженер, ученый и педагог.* Существенно изменяется – и это уже давно практика, а не футурологическое предвидение! – *облик индустриального рабочего.* На смену малообразованному и малоквалифицированному человеку, занятому ручным трудом или являющемуся придатком станка и конвейера, приходит рабочий, имеющий специальное образование и высокую профессиональную квалификацию, которую он к тому же регулярно повышает. В условиях такого материального производства и ученый, и инженер, и рабочий становятся участниками не только собственно производственного процесса, но и процесса *образования через всю жизнь*, о котором справедливо пишут в своих работах О.Н. Смолин и его коллеги³⁶.

Названные выше изменения в содержании и структуре общественного производства приводят к тому, что **основным производственным звеном новой индустриальной экономики XXI века становится комплекс, интегрирующий производство, науку и образование в едином воспроизводственном процессе на микроуровне.** Такие комплексы могут стать основой формирования ПНО-кластеров, соединяющих собственно производственные предприятия, центры НИОКР и образовательные организации единой инфра- и ультраструктурой. Их прообразом, требующим опять же критического развития, могут служить как, с одной стороны, некоторые научно-производственные объединения советской эпохи (в частности те, где реализовывались космические, атомные и т.п. проекты)³⁷ так и, с другой, – зарубежные технопарки и иные формы интеграции производства, науки и образования в стиле «силиконовой долины». Такого рода кластеры в последние годы стали создаваться/воссоздаваться и в России.

Указанные изменения в содержании общественного производства и его структуре приведут к **изменениям в системе экономических отношений и институтов**, которые как раз обусловлены развитием нового содержания и структуры общественного производства, происходящего в *условиях генезиса новой индустриальной экономики XXI века.*

Новая индустриальная экономика XXI века, предполагающая возрождение в *новом качестве* черт прошлого, обуславливает и *новые вызовы* к развитию начал рыночного саморегулирования и частной собственности, с одной стороны; государственного воздействия на экономику – с другой.

---

³⁶ Смолин О.Н. Развитие человеческого потенциала как основа модернизации XXI века // Экономическое возрождение России, № 2, 2015.

³⁷ См. Бодрунов С.Д. Возрождение производства, науки и образования: проблемы и решения / Доклад на Международном конгрессе «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения», Москва, 22-23 ноября 2014 г.

Действительно, индивидуализация, гибкость и знаниеемкость производства, широкое использование в материальном производстве и продолжающем его обмене интернет-технологий, возрастание роли индивидуальных профессиональных качеств – все это создает новые импульсы для развития малого и среднего бизнеса и обуславливает необходимость развития экономической свободы. Первостепенную важность в этих условиях приобретают личный опыт, энергия и талант предпринимателя-новатора.

В этом смысле новая индустриальная экономика XXI века также есть «отрицание отрицания» эпохи «классического» индустриального и начала позднеиндустриального капитализма, в рамках которой происходило становление индустриальных империй Форда, Круппа, Бенца, создавались промышленные структуры Морозова и других видных предпринимателей-новаторов России.

Но у новой индустриальной экономики XXI века есть и *принципиальное отличие* от той эпохи.

Во-первых, современные вызовы обуславливают необходимость развития во многих сферах *общественно-государственной системы хозяйствования*. Среди них далеко не последнее место занимают проблемы формирования в качестве одной из основных отраслей современного производства фундаментальной и прикладной науки, а также задачи развития массового общедоступного профессионального и высшего образования в единстве с постоянным повышением квалификации работников.

Далее, во-вторых, цели развития сложных интегрированных производственных единиц – ПНО-кластеров – и макроэкономической интеграции производства, науки и образования, проблемы существенной структурной перестройки современных экономик, задачи вытеснения гипертрофированно развитых сфер посредничества обуславливают, в свою очередь, необходимость использования таких экономических форм, как *активная государственная промышленная политика* и *долгосрочное инвестиционное государственно-частное партнерство*.

Соответствующим образом в этих условиях должны будут строиться (и эти задачи уже решаются в ряде стран – в частности, в Китае) все остальные сферы государственного регулирования экономики.

В-третьих, существенные требования к экономическим отношениям и институтам предъявляет и переход к *массовому созданию и использованию знаниеинтенсивных продуктов*. Синтетическая природа такого продукта обуславливает многие *изменения в системе экономических отношений и институтов*. В частности, собственность на такой продукт включает в себя систему прав, охватывающих как собственно материальных объект, так и интеллектуальную составляющую. Не секрет, что в стоимости высокотехнологичных изделий (от современных авиалайнеров до сложных лекарственных препаратов) расходы на разработку технологий и охрану прав интеллектуальной собственности уже занимают долю, сравнимую с расходами на их производство, а в ряде случаев – и превосходят последнюю.

Отсюда, в частности – первостепенная важность развития института интеллектуальной собственности для новой индустриальной экономики, чему в России пока придается далеко не адекватное этой важности значение³⁸.

Тем самым *новая индустрия обуславливает необходимость формирования нового облика и рынка, и государственного регулирования; и частного предпринимательства, и государственной собственности*.

---

³⁸ См., напр., подробный анализ данной проблемы в: Бодрунов С.Д. Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО / Монография // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 172 с; Бодрунов С.Д., Лопатин В.Н. Риски интеллектуальной собственности при импортозамещении в рамках реиндустриализации российской промышленности / Научный доклад – Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2014. – 17 с.

Какими могут и должны стать эти институты? На этот вопрос автор данного текста ищет ответ уже не один год, работая в диалоге со своими коллегами по экономическому цеху. Ряд решений уже получил достаточно законченный вид и аргументирован в работах автора и его коллег из Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (Санкт-Петербург), где любопытствующий читатель сможет найти немало конкретных предложений по обновлению *российской* (и не только) *экономической системы в соответствии с вызовами новой индустриальной эпохи*; над другими аспектами проблемы еще идет работа, результаты которой автор предполагает изложить в отдельной монографии.

Рекомендованный список литературы

1. Белл Д. Постиндустриальное общество // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М., 1984.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007.
4. Бодрунов С.Д. Инфомаркетинг / Монография // С.Д. Бодрунов – Гомель: БелАНТДИ, 1995. – 176 с.
5. Бодрунов С.Д. Маркетинг информационных услуг: модели управления / Монография // И.В. Максимей – М.: Экономика: Луч, 1993. – 127 с.
6. Бодрунов С.Д. Корпоративный менеджмент постиндустриального общества / Монография // С.Д. Бодрунов, С.П. Крюков, Л.Н. Александровская, А.П. Захаревич, В.И. Круглов – СПб., Корпорация «Аэрокосмическое оборудование», 2005. – 612 с.
7. Бодрунов С.Д. Возможности и проблемы реиндустриализации / С.Д. Бодрунов // Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы. Выпуск XVI. Сб. науч. труд. под ред. Бодрунова С.Д. – СПб.: ИНИР, 2012-2013. С. 59-71.
8. Бодрунов С.Д. Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, №1 (35), 2013. С. 4-12.
9. Бодрунов С.Д. Институциональные механизмы концепции нового индустриального развития России в условиях ВТО / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, №2 (36), 2013. С. 13-17.
10. Бодрунов С.Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, № 4 (38), 2013. С. 4-25.
11. Бодрунов С.Д. Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО / Монография // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 172с.
12. Бодрунов С.Д. Модернизация России – политический лозунг дня / С.Д. Бодрунов // «Экономика. Налоги. Право», №2, 2013. С. 13-15.
13. Бодрунов С.Д. Модернизация России: новая индустриализация, новая модель экономического роста, новая модель развития общества, новая идеология / С.Д. Бодрунов // Актуальные проблемы экономики современной России: сборник научных трудов. Научное издание. Выпуск 9. / Под ред. А.А. Оводенко. – СПб.: ГУАП, 2013. С. 15-30.
14. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности, ориентиры, императивы, ограничения, риски / С.Д. Бодрунов // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 37 с.
15. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С.Д. Бодрунов // Монография / М.: Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 680 с.
16. Бодрунов С.Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики / С.Д. Бодрунов // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 34 с.
17. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России, №1 (35), 2013. С. 19-49.
18. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, вызовы и приоритеты / С.Д. Бодрунов // «Право интеллектуальной собственности», №3(29), 2013. С. 13-15.
19. Бодрунов С.Д. «Кнуты и пряники» новой экономической доктрины / С.Д. Бодрунов // «Российская Федерация сегодня», №12, июнь 2014. С. 18-19.
20. Бодрунов С.Д. Наука и образование новой экономики / С.Д. Бодрунов // «Город 812», № 20 (262), 16 июня 2014. С. 25-26.

21. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения / Научные труды Вольного экономического общества России, № 1/2014 (Том сто восьмидесятый), Москва, 2014. С. 15-46.
22. Бодрунов С.Д., Лопатин В.Н. Риски интеллектуальной собственности при импортозамещении в рамках реиндустриализации российской промышленности / Научный доклад – Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2014. – 17 с.
23. Бодрунов С.Д., Лопатин В.Н. Стратегия и политика реиндустриализации для инновационного развития России / С.Д. Бодрунов, В.Н. Лопатин // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2014. – 486 с.
24. Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования: прошлое, настоящее и будущее / Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики. Сборник материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ.ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 464 с.
25. Бодрунов С.Д. Инновационное развитие промышленности как основа технологического лидерства и национальной безопасности России / Материалы Всероссийской конференции «Инновационное развитие промышленности как основа технологического лидерства и национальной безопасности России», Москва, 20 мая 2015 // Труды Вольного экономического общества России, (Том сто девяносто второй), М., № 3, 2015. С. 24-56.
26. Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации РФ / «Мировая экономика и международные отношения», № 10, 2015. С. 94-104.
27. Бодрунов С.Д. Какая индустриализация нужна России? / Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики // Сборник материалов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2015) / Под общ.ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2015. – 756 с.
28. Бодрунов С.Д. Промышленная политика России: уроки прошлого, черты настоящего, дизайн будущего / «Труды Вольного экономического общества России. Юбилейное издание». М. ВЭО России, 2015. С. 157-178.
29. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация – главное направление повышения устойчивости российской экономики / Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности. Международный финансово-экономический форум – 2014 (24-26 ноября, Москва). Т. 3: Материалы заседаний круглых столов. Ч. I / Отв. ред. Г.Л. Подвойский. – М.: Финансовый университет, 2015. С. 208-211.
30. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация в РФ должна опираться на комплексную и активную промышленную политику (дискуссионные ремарки в связи с докладом доктора Рудольфа Трауба-Мерца «Нефть или автомобили. О возрождении промышленности в России») / Научные доклады Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (под общ. ред. С.Д. Бодрунова) // СПб.: 2015. – 46 с.
31. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики и импортозамещение на основе интеграции производства, науки и образования / Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Материалы научного семинара «Современные проблемы развития», ИМЭМО РАН, 16 марта 2015 г. / Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР, 2015. – 111 с.
32. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация экономики и проблема импортозамещения: роль и задачи информационной индустрии / Вестник российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, №4 (82), 2015. С. 127-132.
33. Бодрунов С.Д. Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы / Монография // СПб.: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 2015. – 171с.

34. Бодрунов С.Д. Финансово-экономическое положение России / Науч. труды Международной Академии менеджмента. Вып. XVIII. МАМ, М., 2015. С. 30-35.
35. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем. Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. М.: ИНФРА-М, 2005.
36. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Философия хозяйства, № 2,3, 2012.
37. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования, № 1, 2014.
38. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления, № 10, 2014.
39. Бузгалин А.В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от рыночного фундаментализма // Проблемы современной экономики, № 3, 2014.
40. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Монография. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). – Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). – Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 912 с.
41. Воейков М.И. Экономическая теория, социальная демократия и исторический опыт России. Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 4-7.
42. Глазьев С.Ю. Переход на новый – гуманитарный технологический уклад // Модернизация российской экономики. Уроки прошлого, шансы, риски. М., 2012.
43. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. / С.Ю. Глазьев / М., 2010. – 255 с.
44. Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. (ред.). Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. Монография. М.: Тривант, 2009.
45. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., 2000.
- Гринберг Р.С. Большой кризис: пора уходить от радикального либерализма // Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 59-72.
47. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012.
48. Гринберг Р.С. Современная политическая экономия: экономическая свобода и социальная справедливость / Р.С. Гринберг // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 22-27.
49. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
50. Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? / Р.С. Дзарасов // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 29-60.
51. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М.: Экономика, 2003.
52. Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 145.
53. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.
54. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Академия, 1999.
55. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общества и культура / М. Кастельс; пер. с англ. Под науч. ред. О.И. Шкаратана – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

56. Кастельс М. Сетевое общество. М., 2001.
57. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.
58. Материалы исследовательской группы Центра макроэкономического анализа и прогнозирования ИЭ РАН под руководством д.э.н. А.А. Френкеля. Ситуация в российской экономике в 2014 году и прогноз ее развития в 2015-2016 годах.
59. Материалы Московского экономического форума. / Под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бузгалина. – М.: Культурная революция, 2014. С. 15-17.
60. Модернизация оборонно-промышленного комплекса и обеспечение экономической безопасности государства / Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование. Вып. 2005 г. /РАН, ИМЭМО. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. – 475 с.
61. Некипелов А.Д. Кризис общей экономической теории: вызовы политэкономии будущего / А.Д. Некипелов // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 20-21.
62. Пороховский А.А. Современное развитие и экономические интересы // Вопросы политической экономии, 2013, №2 (7).
63. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего / Т. Сакайя / Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999.
64. Сергеева И., Быков В. Материальные и нематериальные факторы мотивации труда // Человек и труд. 2010. № 9. С. 43.
65. Смолин О.Н. Развитие человеческого потенциала как основа модернизации XXI века // Экономическое возрождение России, № 2, 2015.
66. Сорокин Д.Е. Политико-экономические ориентиры институциональной трансформации / Китай и Россия. М., 2003.
67. Татаркин А.И. Протрезвление после рыночной эйфории затянулось, но все-таки происходит / Интервью. «Город 812», №32, 2014. С. 21-23.
68. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-Пресс, 2006.
69. Шумпетер И.А. Теория экономического развития / И.А. Шумпетер. – М., 1983.
70. Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернативы будущего / Под ред. С.Д. Бодрунова, А.А. Пороховского. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 416 с.
71. Cairncross A. What is deindustrialization? / A. Cairncross // Blackaby, F (Ed.) Deindustrialization. – London: Pergamon, 1982. – Pp. 5-17.
72. Crawford R. In the Era of Human Capital. N.Y., 1991. P. 11.
73. Lapavitsas C., Levina I. Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance. November 2010.
74. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society, Washington, 1981.
75. Mulgan G.J. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. Oxford: Polity, 1991. P. 174.
76. Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Down of the Post-Market Era. N.Y.: G.P.Putnam's Sons, 1995.
77. Toffler A. The Third Wave. L.: Pan Books Ltd in association with William Collins Sons & Co. Ltd, 1980.

С.Д. Бодрунов. Новое индустриальное общество: облик новой индустриальной эпохи /
Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте /
СПб.: ИНИР, 2015. – 34 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 17.11.2015.
Тираж 500 экз. 34 с.
Заказ № 2600442

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16